

ГОРОД 10 ЗЕРКАЛА

DIZZASTER
DZR
DIZZIED MUSIC LABEL

Юлия Артёмова

Зеркала

«Издательские решения»

Артёмова Ю.

Зеркала / Ю. Артёмова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939793-5

Это мощный сборник о власти бессознательного и неподконтрольного, это различные новеллы, написанные авторами, не знакомыми друг с другом, но, если присмотреться, можно увидеть объединённость не только общей тематикой, но и единый сюжет, пронизывающий все части книги. Эффект от прочтения сравним с тем, как если бы вы, взглянув в зеркало, не отразились в нём и услышали дыхание собственного двойника за спиной. Ничего не появляется из ниоткуда и не исчезает никуда: это главная мораль книги.

ISBN 978-5-44-939793-5

© Артёмова Ю.
© Издательские решения

Содержание

От редакции	6
Юлия Артёмова	7
Reflexio	7
Татьяна Прокудина	19
Потерянный	19
Двойники	21
Таша Новалуцкая, Геннадий Давыдов	22
Блики осколков	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Зеркала

Авторы: Артёмова Юлия, Прокудина Татьяна, Новалуцкая Таша, Давыдов Геннадий, Данилова Стефания, Подуремья Мария Диатра, Курмилев Павел Hjogvin, Маурчева Илона, Прокудин Дмитрий, Кондакова Мария Shelli, Трофимова Кристина, Бурлак Владимир, Лиханова Мария, Хил Женя, Вандышева Екатерина, Артемьев Максим

- © Юлия Артёмова, 2018
- © Татьяна Прокудина, 2018
- © Таша Новалуцкая, 2018
- © Геннадий Давыдов, 2018
- © Стефания Данилова, 2018
- © Мария Диатра Подуремья, 2018
- © Павел Hjogvin Курмилев, 2018
- © Илона Маурчева, 2018
- © Дмитрий Прокудин, 2018
- © Мария Shelli Кондакова, 2018
- © Кристина Трофимова, 2018
- © Владимир Бурлак, 2018
- © Мария Лиханова, 2018
- © Женя Хил, 2018
- © Екатерина Вандышева, 2018
- © Максим Артемьев, 2018

ISBN 978-5-4493-9793-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редакции

Перед Вами – новый выпуск альманаха «Город». На сей раз читателями и будущими авторами была выбрана тема «Зеркала».

Тема зеркал, зазеркалья и рефлексии испокон времён была пугающей и завораживающей одновременно. Под этой обложкой собраны самые разные работы: от хтонического фольклора до кибер-вселенных.

Метафорически книгу можно сравнить с галереей кривых зеркал, в которых читателю представляется возможность увидеть, как правило, проекции ситуаций из личного опыта, неотделимых от опыта мирового. Книга сама по себе является зеркалом, в котором отражение начинает не повторять происходящее в посюстороннем мире, а жить самой что ни на есть своей, реальной жизнью. Это мощный сборник о власти бессознательного и неподконтрольного, это различные новеллы, написанные авторами, не знакомыми друг с другом, но, если присмотреться, можно увидеть объединённость не только общей тематикой, но и единый сюжет, пронизывающий все части книги. Эффект от прочтения сравним с тем, как если бы вы, взглянув в зеркало, не отразились в нём и услышали дыхание собственного двойника за спиной. Ничего не появляется из ниоткуда и не исчезает никуда: это главная мораль книги.

Стефания Данилова

Юлия Артёмова

Reflexio

У каждого человека утро начинается с определенного ритуала.

Джек Эберсон просыпался около шести утра, выключал будильник, который еще не успевал зазвенеть, включал кофеварку и направлялся в ванную комнату, где долгое время рассматривал себя в зеркале. Наклонялся к нему ближе, оттягивал нижнее веко правого глаза, затем левого, проводил рукой по щекам и подбородку, проверяя наличие щетины. Поворачивал голову налево, как-то грустно смотрел на душевую кабину и поворачивал до упора вентиль холодной воды.

За этим действием следовала пятисекундная пауза и очередной оценивающий взгляд в зеркало. Теперь настала очередь провести рукой по волосам, подвигать нижней челюстью и, запрокинув голову назад, выставить напоказ шею, словно в попытке убедиться, что всё на месте, что за ночь ничего не поменялось и не пропало.

Только после этого мужчина облегченно выдыхал, поворачивал до конца вентиль горячей воды и заходил в кабину.

Старенькая кофеварка шумела на всю квартиру, поэтому ровно в тот момент, когда она отключалась, Джек выходил из душа, оборачивался полотенцем и босиком шлепал на кухню.

Ровно десять минут, чтобы выпить кофе и посмотреть новости, три – чтобы одеться. Один косой взгляд на старую фотографию, стоящую в рамке на микроволновке; один долгий, встревоженный – на запертую комнату, которая раньше была залом. И закрыть дверь.

Его путь на работу лежал через узкую улочку, по бокам которой расположились маленькие магазинчики со всякой всячиной. Они стояли так плотно друг к другу, что напоминали единое одноэтажное строение, и Джек удивлялся, как их до сих пор еще не снесли. Городок был маленький, туристы посещали его редко, а местные жители закупались в супермаркетах.

Эта улица уже давно стала пережитком прошлого и, как всё давно забытое, имела свою ценность – атмосферу. Джек не раз видел, как менялись лица людей, стоило им ступить на каменистую дорогу. Чувство безграничного удивления сменялось в них умиротворенностью и счастьем. Проходя мимо магазинчика мистера Эвола, они замедляли шаг, вдыхая чудесные ароматы эфирных масел, продававшихся там, немного нервно потирали руки, увидев фигурное домашнее мыло миссис Уни, восторженно рассматривали деревянных марионеток молодого мастера Эндрю, и с примесью удивления и гордости останавливались около книжной лавки Джека. Они редко что-то покупали, и большинство здешних продавцов кое-как сводило концы с концами, но никто и не думал о том, чтоб закрыть лавочку.

Однако сегодня эту атмосферу, кажется, решили нарушить. В конце улицы, стояла полицейская машина с включенными мигалками, но без сирены. Удивившись этому явлению, Джек постучал в дверь своего магазина и зашел внутрь, когда ассистентка открыла ему.

– Вы видели их, Джек? – суется, произнесла девушка. – В жизни не видела столько полицейских. Там человек десять, не меньше, – она попыталась посмотреть сквозь витрину на другой конец улицы, но в результате просто прижалась щекой к стеклу, кажется, так ничего и не увидев.

– Холли, не дыши на витрину, – Джек спокойно подошел к прилавку и открыл кассу, проверяя выручку. – Ты вчера продала что-нибудь?

– Вечером? – она посмотрела на него, наконец, оторвавшись от стекла. – Да, пожилая пара приобрела подарочное издание «Кругосветного путешествия», которое было со скидкой. Да миссис Уни купила пару романов, уже перед закрытием.

Джек усмехнулся. Когда за прилавком стояла девушка, продажи автоматически повышались. Хотя тот факт, что продавцы покупали друг у друга товар, чтобы хоть как-то держаться на плаву, сильно огорчал Джека.

– Как думаете, они зайдут к нам? – Холли, казалось, даже подпрыгивала на месте от любопытства.

– Что им тут делать? – Джек подошел к высоким полкам и осмотрел оставшийся ассортимент. – Холли, принеси то, что осталось на складе.

Девушка кивнула и нехотя отправилась выполнять просьбу.

Когда год назад студентка поступала в магазин в поисках подработки, Джек ни секунды не сомневался, что стоит согласиться. Холли была наивна, любопытна и энергична. Она хорошо разбиралась в литературе, не требовала официального трудоустройства и порой вместо зарплаты, просила помощи с дипломной работой. Джек помогал, и совесть не мучила его за то, что он в очередной раз оставил ее без денег. Он уходил с работы около пяти, оставляя магазин на Холли, которая должна была его закрыть в девять и пойти домой.

Холли всегда носит мешковатые кофты с длинными рукавами и джинсы. Скоро будет полгода, как она старательно старается скрыть от хозяина, что на самом деле остается ночевать в магазине. Джек же делает вид, что не замечает этого.

Когда над дверью звенит колокольчик, Джек возвращается за прилавок и старается выдавить из себя улыбку. Высокий мужчина в пиджаке медленно заходит и осматривается. Делает шаг сначала к одну книжному стеллажу, к другому, у противоположной стены, затем смотрит в упор на Джека и на зеркало, висящее за его спиной, у невысокой двери, в которую зашла Холли...

– Здравствуйте, – жизнерадостно начал Джек, – ищите что-то конкретное?

– Здравствуйте, – мужчина достал из внутреннего кармана пиджака значок и предъявляет его продавцу, – детектив Джон Маркус. Можно задать вам несколько вопросов?

– Да, конечно.

– Как вас зовут? – он убрал обратно значок и достал блокнот.

– Джек Эберсон.

– Как давно владеете магазином?

– Два года. До этого читал лекции в университете.

Детектив удивленно посмотрел на собеседника, затем записал информацию.

– Что же побудило вас сменить работу?

– А это как-то касается дела? – Джек усмехнулся: этим вопросом он заставил детектива напряженно замолчать.

– Мисс Элен Форте, владелицу магазина цветов, знали?

Джек пожал плечами.

– Видел несколько раз, но не разговаривали. А что случилось? Ее ограбили?

– Нет, – мужчина вздохнул, не отрываясь от записей в блокноте, – убили.

– Что? – Джек отпрянул от прилавка и облокотился о стену, удивленно смотря на детектива. Сам факт убийства казался ему до ужаса неестественным. Элен было уже за семьдесят, ее магазин открывался позже всех, потому что старушке было сложно добраться до него, ничего особо ценного она не продавала. Да и кому понадобится убивать здесь? Это не центр города, где у магазинов выручка превосходила здешнюю в три раза. – Вы уверены, что это убийство?

– А вы уверены, что нет? – детектив прищурился, в его глазах явно читался укор и некая доля подозрения.

– Я о том, что ей было далеко за семьдесят, она с трудом передвигалась. Это мог быть и несчастный случай, – Джек попытался оправдаться, но понял, что тем самым только навлек на себя еще больше подозрений.

Детектив прищурился.

– Пройдемте со мной, – мужчина направился к выходу. Он остановился около двери и вопросительно посмотрел на продавца.

– Да, конечно, – Джек вышел из-за прилавка и пошел следом. Он подумал, что следовало предупредить Холли о том, что он уходит, но что-то подсказывало, что ненадолго.

Они пошли вверх по улице. Магазинычик Элен был третьим с конца, и украшала его старая вывеска с громогласной надписью: «Цветы». Написана она была розовой краской на деревянной доске, которая, казалось, готова была вот-вот рухнуть на землю.

Двое в форме пропустили их внутрь. Джек полной грудью вдохнул чудесный цветочный аромат, замедлил шаг. Заметив, что подозреваемый отстал, детектив обернулся и строго посмотрел на него.

Джек невинно улыбнулся и пошел быстрее. Они вышли через черный ход, который вел в тупик, между магазином и высотным домом, стоявшим почти вплоты. Здесь располагались мусорные баки, с которых уже успели снять крышки. Часть мусора лежала на земле, хаотично разбросанная.

Маркус повернул направо и, сделав три шага, остановился. Джек интуитивно замедлил шаг, наблюдая за тем, как поникли плечи детектива, а из широкой груди вырвался разочарованный вздох. Он подошел и нерешительно заглянул ему через плечо. На земле в неестественной позе лежала Элен. Женщина, раскинув руки в стороны, смотрела в небо остекленевшими глазами, в которых застыл вечный ужас. Голова была откинута назад, прижималась макушкой к земле, а из шеи торчал залитый кровью осколок зеркала.

– Могу я взять зеркало из вашего магазина на исследование? – спокойно произнес детектив.

– Да, конечно, – не задумываясь, на автомате ответил Джек.

– Мистер Эберсон, что вы преподавали в университете?

– Историю и философию.

– Мы с вами свяжемся, мистер Эберсон. Не покидайте город.

Сегодня Джек ушел домой раньше обычного. Весь день его преследовал образ Элен, лежащей на земле в луже собственной крови в том переулке.

Детектив, как и обещал, забрал зеркало из магазина и записал телефон. Теперь только оставалось надеяться, что всерьез Джека никто не подозревает. Ведь алиби у него не было.

Каждый вечер квартира встречала его пугающей до ужаса тишиной и духотой. Мужчина тут же открывал в квартире все окна, несмотря на время года, включал электрический чайник, снимал с шеи ключ, отпирал им ту самую дверь зала, заходил туда и не выходил до утра.

Сегодня было непривычно видеть эту комнату днем. Нет, в ней не было окон, да и вообще малейшего признака чего-либо, что определяло, бы какое сейчас время суток. Здесь были только зеркала. Стены, пол, потолок – всё было устлано зеркальной поверхностью разных мастей. Большие, маленькие, прямоугольные и круглые, зеркала стык в стык соприкасались друг с другом, без малейшего зазора или пустого пробела.

Джек глубоко вдохнул. Тут всегда пахло клеем, с помощью которого он составлял эту «мозаику», и свечами. Еще два глубоких вдоха для собственного успокоения, и Джек закрыл дверь.

Нет, еще не время. Солнышко все еще упрямо светило в кухонное окно, хоть уже и начало скрываться за горизонтом, а это значило лишь то, что ужин сегодня будет на несколько часов раньше.

Детектив Маркус устало зевнул и посмотрел на труп, лежащий на столе. Словно бабочка у цветка, около него кружил Демон Грей, патологоанатом, заканчивая вскрытие.

Это был тучный человек уже преклонного возраста, давно полысевший, с маленькими толстыми пальчиками, которые все же уверенно держали скальпель.

– Смерть произошла мгновенно. Убийца перерезал сонную артерию одним ударом, – произнес он, почти не глядя на собеседника.

Джон посмотрел на его халат, пуговицы которого опасно торчали, и, казалось, вот-вот были готовы оторваться, отприкошетить от металлического стола, стены, а затем угодить прямо в затылок детективу.

– Отпечатки? – прокашлявшись, спросил он. Сухой воздух, исходящий от холодильных камер, сушил ему горло, и ежеминутно желание приложиться к фляжке, лежащей во внутреннем кармане, возрастало всё сильнее.

– На зеркале? Нет, только ее. На одежде тоже ничего не нашли, – Демон снова не удосужился посмотреть на него: он медленно зашивал Y-образный надрез, увлеченный этим настолько, что, казалось, вокруг не было ни души, а Маркус представал внутренним голосом, с которым не хотелось вести диалога.

– Не сама же она воткнула его себе в горло, – детектив посмотрел на неровный осколок, перепачканный кровью. В металлическом лотке он смотрелся куда лучше, чем в чьей-то шее. – Ладно, – он вздохнул, – появится что-то, звоните.

Мужчина вышел из дверей морга и направился к лифтам, находящимся в конце коридора. Он тяжело дышал и старался шагать быстрее. До конца рабочего дня оставалась всего лишь пара часов. Задерживаться сегодня не хотелось. Хотя дома никто и не ждал, но очередная ночь, проведенная в участке, сулила ему лишь еще один выговор от начальства.

Оказавшись в лифте, Джон закрыл глаза, стараясь, нормализовать дыхание. К счастью, в кабине он оказался один.

Полицейское управление находилось в одном здании с моргом, только двумя этажами выше. Заходя в прокуренное помещение, где сидели коллеги, он невольно поморщился и пригнулся за свой стол. Грустно посмотрел на почти засохший цветок, который стоял почти на краю стола, заваленного бумагами, и на дело Джека Эберсона, лежавшее рядом. Джон нехотя раскрыл его.

Не то чтобы подозрения о причастности книгопродавца так закрались в душу детектива, просто он оказался очередным вариантом, который грех не проверить. Не зря же ноги в поисках свидетелей привели Джона именно к книжному магазину. И вот теперь с маленькой фотокарточки в левом верхнем углу на него смотрел серьезный, изрядно вымотанный Джек Эберсон.

«К уголовной ответственности не привлекался. Два года назад потерял жену, – Маркус невольно усмехнулся, будто бы был доволен тем, что раскрыл великую тайну продавца. – Вот почему ты сменил место работы». Джон вздрогнул и одернул себя: он уже размышлял о подозреваемом как о потенциальном убийце. Уже многие годы он пытался бросить эту вредную привычку.

На следующей странице с очередной фотографии на него смотрела совсем молодая девушка. Она лучезарно улыбалась в объектив камеры. Внизу от руки было подписано: «Мэгги Эберсон».

У Мэгги были темно-русые волосы мелкими кудряшками, которые обрамляли ее лицо, делая его чуть полнее, и выразительные глаза цвета шоколада.

«Смерть наступила в результате дорожно-транспортного происшествия, – Джон закрыл папку и отложил ее в сторону. – Аварию признали несчастным случаем, – констатировал он про себя. – Профессор литературы и философии, ныне продавец книжного магазина. Что-то тут не так». Детектив посмотрел на настенные часы, отсчитывая, сколько ему осталось здесь сидеть до конца рабочего дня.

Как только стемнело, Джек снова вернулся в зеркальную комнату. Он тихо закрыл за собой дверь и сел на пол, ровно посередине. Напротив него, в ряд от одной стены до противоположной, стояли наполовину сгоревшие свечи. Джек зажег их, и тусклый свет окружил его со всех сторон. Мужчина закрыл глаза и глубоко вдохнул, понимая, что даже тут не сможет насладиться тишиной, – свечи изредка потрескивали, воск капал на зеркальный пол, и в абсолютном единении все эти звуки становились громче в два раза.

Всё раздражало. Причем не столько звуки, сколько тот факт, что даже в собственной квартире он не мог побыть в полном одиночестве.

Джек открыл глаза. Напротив него в дыме от свечей возникло женское лицо. Бесформенное, тусклое, расплывчатое, оно расходилось волнами, вытесняя его отражение. Джек, словно зачарованный, протянул вперед руку, которую тут же обожгло нагретым свечами воздухом. Отдернул ее. Лицо приобретало четкие контуры, и вскоре девушка показала себя во всей красе. Она помассировала руками голову, покрутила ей в разные стороны, распушив, распластав мелкие кудряшки по плечам, и улыбнулась.

Джек сглотнул комок, застрявший в горле, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, и снова не смог вымолвить ни слова. Дым пробирался через ноздри внутрь, обжигал горло и, казалось, наполнил собой всю комнату.

Комнату, которая не была частью этого дома, этой квартиры. В данный момент времени она находилась за пределами всего. Это был отдельный организм, живущий своей жизнью. Организм, который воспринимал Джека, как инородное тело. По всем мыслимым законам его следовало вытеснить. Изгнать из себя. И комната изгоняла. Старательно, день за днем, ни капли не разочаровываясь в отрицательном результате. Ведь мужчина всё равно не поддавался. Он исправно приходил каждую ночь – и встречался со своей болью, со своим страхом. Страхом, который волшебным образом улыбался и не давал ему покоя на протяжении двух лет.

Джек лег на пол и закрыл глаза, стараясь игнорировать девичий шепот.

Ночи для него всегда были особенно долгими.

У каждого человека утро начинается с определенного ритуала.

Джон Маркус просыпался в семь после третьего будильника, чтобы успеть приехать на работу к восьми. Он наспех умывался, одевался и выбегал из дома, чтобы успеть застать того уличного продавца кофе. Возможно, если повезет, у него останется и пара пончиков, а безлюдный в столь раннее время офис позволит подлить в кофе джину из фляжки. Этот стакан надо было выпить ровно до первого звонка пейджера. Это был первый вызов, первое утреннее убийство, на которое детектив уже не мог выехать, зная, что в крови нет ни капли алкоголя.

Однако сегодня день обещал быть «неофисным». Джон забрал свою машину со стоянки и направился к магазину убитой. Было стыдно признаваться, но подозреваемых у него не было. Старушка жила одна, дети погибли, не оставив внуков. Общалась Форте лишь с «товарищами по бизнесу». С этого и стоило начать.

Маркус остановил машину, отпил из стакана кофе и, вздохнув, осмотрел улицу. Магазинов было порядка десяти с одной стороны и столько же – с другой. Открывались они все практически в одно и то же время, и построены были одинаково. Джон сделал еще глоток из стакана и покосился на бардачок, где зеркало из книжного магазина. Криминалистам удалось выяснить лишь то, что оно было изготовлено на том же заводе, что и осколок, изъятый из тела Элен. К сожалению, это мало о чем говорило, – партия составляла порядка трех тысяч, и встретить такое зеркало было можно практически в каждом доме.

Выходя из машины, Джон думал о том, что дело в итоге попадет в папку нераскрытых. Начать он решил с магазинов, стоящих по соседству с цветочным. На том, что стоял по правую руку, красовалась яркая вывеска, обрамленная горячей гирляндой.

«Свет!» – звучало через чур грандиозно для магазина безделушек.

Джон открыл дверь и вошел, тревожа своим визитом связку колокольчиков, висящих над дверью. На их звон тут же, как из ниоткуда, появился продавец, – мужчина средних лет с внушительным животом, который буквально свисал поверх ремня его брюк и ни капли не уменьшался в размерах от того, что его хозяин надел рубашку в вертикальную полоску. Он нервно провел рукой по ределящим, черным, без намека на седину волосам и улыбнулся гостю во все тридцать два зуба.

– Здравствуйте! Вам что-нибудь подсказать? – энергично начал он, становясь за прилавок.

Джон отрицательно мотнул головой и осмотрелся. Стены с обеих сторон были до отказа забиты широкими полками, на которых стояли сувениры. Стекланные зверюшки разных размеров стояли впритык друг к дружке. Внутри каждого было заключено по несколько лампочек гирлянды, которая загоралась по нажатию кнопки на спинке.

– Ищете что-то конкретное? – продавец нервно потирал руки, очевидно, думая, что сегодня-то он точно что-нибудь продаст.

Джон подошел ближе к нему и запустил руку во внутренний карман плаща.

– Здравствуйте, я детектив Джон Маркус, – он предъявил значок, и улыбка тут же сошла с лица продавца.

– Дрейк Мор, – хозяин протянул руку в знак приветствия.

– Я могу задать вам несколько вопросов? – Джон достал блокнот и ручку.

– Да, – мужчина осекся, внимательно и немного испуганно смотря на детектива, – это по поводу Элен?

Маркус кивнул.

– Знали ли вы Элен Форте?

– Да, всё-таки соседи, – он нервно усмехнулся.

– Она когда-нибудь говорила вам, что ее кто-нибудь преследует, угрожает?

– Нет. Кому? В ее возрасте с мальчиками не встречаются, а если бы это было связано с магазином, она бы рассказала. Мы все тут на птичьих правах, того гляди закроемся.

– Что, клиентов совсем нет? – Маркус не смотрел на лавочника, строча в блокноте. Было понятно – этот вопрос задан скорее для приличия.

– Вчера я продал пять сувениров, позавчера три, в прошлом месяце еле вышел в ноль, – Дрейк тяжело вздохнул и, похоже, расслабившись, оперся руками о прилавок. – Вы подозреваете кого-то из продавцов?

Джон поднял взгляд и грозно посмотрел на собеседника. Казалось, он был готов прямо сейчас защитить честь людей, с которыми работал.

– Если у меня появятся вопросы, мистер Мор, я найду к вам, – мужчина выдавил из себя улыбку, развернулся и направился к выходу.

– Мистер Маркус!

Уже у самой двери Джон обернулся.

– Вам стоит искать убийцу в любом захудалом местечке этого города, но только не здесь. Мы давно работаем вместе, ежедневно открываем и закрываем магазины, переглядываясь и кивая друг другу. Некоторые дружат семьями и покупают друг у друга товар, чтоб никто не закрылся. Тут никто не мог желать зла Элен, – Дрейк говорил спокойно, размеренно, словно читал нравоучения нашкодившему сыночку.

– То, что кто-то с кем-то переглянулся, не значит, что они закадычные друзья, – Джон отвернулся. В нескольких сантиметрах от его лица висела связка мелких металлических колокольчиков. Его лицо отражалось в них, чудовищно расплываясь и становясь шире. – Мистер Мор, – снова обратился он к продавцу, – в вашем магазине есть зеркала?

Мужчина осмотрелся по сторонам, будто бы вспоминая.

– Нет.

Джон кивнул и, наконец, вышел. Интуиция подсказывала ему, что сосредоточиться следует именно на этом: на зеркалах.

Владелица магазина деревянных игрушек, мисс Хинсон, оказалась весьма разговорчивой женщиной, и Джон был рад, что зашел к ней в последнюю очередь. У него ушел весь день, чтобы обойти всю улицу и побеседовать с каждым продавцом. Блокнот был наполовину исписан именами, фамилиями людей, там же обозначался их товар и наличие зеркал. Точнее, их отсутствие. Никто более не стал вешать сей предмет обихода в своем магазине. Лишь несколько продавщиц предъявили ему маленькие карманные зеркальца из сумочек, которые, естественно, интереса не представляли.

– На самом деле очень жалко, безумно жалко, – Хинсон не замолкала, продолжая трещать и тем самым всё больше нервируя Джона. – Она была такой хорошей женщиной...

– Мне пора, мисс Хинсон, – Джон быстро спрятал блокнот в карман и направился к выходу.

Наручные часы показывали шесть вечера. Детектив отошел от магазина на несколько шагов, опасаясь, что энергичная хозяйка выскочит за ним и продолжит свой жалостливый монолог, и снова достал блокнот, просматривая исписанные страницы. На душе было тяжело от того, что день проведен впустую. Зацепок нет. Вероятнее всего, он пошел по ложному следу и зеркала тут не играют никакой роли. Возможно, убийцей был просто какой-нибудь отчаявшийся наркоман. Увидел за прилавком старушку, посчитал, что не составит труда с ней справиться, но, обнаружив пустую кассу не нашел лучшего выхода, чем убить Форте тем, что нашел на помойке.

Джон разочарованно вздохнул и посмотрел в сторону книжного магазина. Именно в этот момент из него вышел Джек. Закрыв дверь на ключ и двинулся вверх по улице, туда, где Маркус оставил свою машину.

– Мистер Эберсон! – крикнул Джон, наспех убирая блокнот в карман.

Джек остановился и обернулся, ожидая, пока детектив подойдет. Джон передвигался быстро, но выглядело это неуклюже. Толстым или полным он себя не считал, соглашаясь с определением «в меру упитанный», однако в глубине души понимал, что порой ему следует съесть на один гамбургер меньше и завтракать не пончиками, а полноценной порцией глазуньи, которую предлагало посетителям то кафе через дорогу.

– У вас снова появились ко мне какие-то вопросы, детектив? – Джек улыбнулся и протянул ему руку в знак приветствия. Джон пожал ее, не стыдясь своей потной ладони.

– Нет, мистер Эберсон...

– Можно просто Джек, – мужчина развернулся и медленно продолжил движение.

Джон кивнул, идя следом.

– Я хотел принести вам свои извинения, Джек, – он прокашлялся, – подозрения были напрасны. И я готов вернуть вам ваше зеркало.

Мужчина удивленно посмотрел на детектива, но учтиво промолчал, удостоив того лишь кивком.

– Понимаю, работа.

Путь до машины Джона они проделали молча. Лишь когда тот уже начал рыться в кармане в поисках ключей, Джек решил прервать неловкую паузу.

– А что вы хотели найти на нем, если не секрет, Джон?

Маркус отключил сигнализацию и полез в бардачок.

– Не знаю, на самом деле я думал, что зеркала играют важную роль в этом деле, но ошибался.

Джек горько усмехнулся, наблюдая за тем, как старательно, пыхтя, детектив ищет зеркало.

– Вы всегда добираетесь до дома пешком? – наконец Маркус вылез из машины и протянул ему зеркало, упакованное в пакет для улик.

– Да, я недалеко живу, – книготорговец взял зеркало в руки и с особой нежностью посмотрел на него.

– Могу подвезти в качестве извинения.

Джек внимательно осмотрел детектива, размышляя, с чего вдруг в нем проснулась такая щедрость. Но всё-таки согласился и сел на пассажирское сиденье. Машина у Джона была не новая и очень маленькая, явно не для семейных поездок.

– Знаете, где находится десятая улица?

Детектив кивнул и повернул ключ в замке зажигания, стараясь не коситься на Джека. Мужчина не отрывал взгляда от зеркала, держал его обеими руками, аккуратно очерчивая края рамки кончиками пальцев.

– Оно вам так дорого?

Джек вздрогнул, будто бы забыл, что он не один в машине, и растерянно посмотрел на Джона взглядом, который не выражал никаких эмоций.

– Да, оно принадлежало моей жене, – хозяин книжной лавки снова перевел взгляд на зеркало.

– Дорожные происшествия – чума нашего времени, – горько усмехнулся Маркус.

Джек засмеялся.

– Конечно, вы проштудировали мое личное дело.

– Это моя работа, – детектив пожал плечами. – Не воспринимайте это как личное оскорбление.

Мужчина отрицательно покачал головой и наконец посмотрел вперед, на дорогу.

– Джон, а с чего вы взяли, что зеркала играют важную роль в этом деле?

Он пожал плечами.

– Ну, не каждый день людям перерезают горло именно осколком зеркала. Сначала это показалось мне чем-то основным, важным, но теперь, думается, что сценарий преступления до банальности прост, – детектив поймал себя на мысли, что рановато начал открывать этому человеку свои мысли и тайны. Что неосознанно сбавил скорость, чтобы ехать до его дома дольше.

– А что вы знаете о зеркалах, Джон? – он по-прежнему смотрел перед собой на дорогу, вцепившись в зеркало.

Мужчина задумался.

– Если в доме висит старинное зеркало, оно может оказывать химическое воздействие на организм парами ртути. И лет через десять, возможно, начнутся проблемы со здоровьем.

– Вы реалист, Джон, – попутчик усмехнулся.

– Ну, если вы хотели спросить, верю ли я в призраков, бродящих по зеркалам, то нет, – детектив засмеялся и тут же, резко, стал серьезным. Ему показалось, что смех здесь неуместен, а несдержанность наказуема.

Джек таинственно улыбнулся, чуть опуская голову.

– Нет, – он пожал плечами и посмотрел в упор на Маркуса. – Например, испанцы верят, что, подвесив зеркальца на плечи маленьким детям, они избавят их от злобных взглядов, – Джек произнес это четко поставленным голосом лектора, чуть вздернув вверх подбородок.

– Подобные знания в деле мне не помогут, к сожалению.

– У индийцев «знакомство» жениха и невесты происходит через зеркальных двойников, – вторая фраза прозвучала механически, будто бы Джек и не собирался ее произносить, но она сама вырвалась.

– Джек, – Маркус снова засмеялся, отрицательно качая головой, показывая, что и этого не надо.

– Во всех культурах есть поверье, что следует повесить зеркало, если в доме умер человек, – третью фразу он произнес быстро, уже не замечая удивленного взгляда детектива и того, что снова навлекает на себя подозрения этой одержимостью.

– Джек... – Маркус остановил машину в начале улицы, не отрывая взгляда от собеседника.

Эберсон три раза глубоко вдохнул, пару раз моргнул, усиленно зажмуриваясь и снова улыбнулся.

– Простите, прошлое лектора дает о себе знать, – он засмеялся. – Давно не хвастался ни перед кем своими знаниями.

Джек вышел из машины, нагнулся и снова посмотрел на детектива.

– Спасибо, что подвезли, – он уже было хотел закрыть дверь, но Маркус не позволил ему этого сделать.

– Не думал, что вы такой интересный собеседник, Джек. Может, завтра выпьем по стаканчику, побеседуем. Вдруг вы всё-таки расскажете мне что-нибудь, что поможет в деле.

На принятие решения у Джека ушло порядка трех минут, на протяжении которых мужчины молча, напряженно смотрели друг на друга. Они все еще воспринимали друг друга как соперников, врагов, людей, находящихся по разные стороны следствия. Один боялся, что нечаянно оброненная фраза станет его обвинением, другой – что дело действительно свернет в мистическое русло. И что ему потом писать в отчете?

– Почему бы и нет, – Джек пожал плечами, решаясь первым, – во сколько я закрываюсь, вы знаете, детектив, – он закрыл дверцу машины и направился к соседнему трехэтажному многоквартирному дому.

«Что же ты скрываешь?».

Заходя в квартиру, Джек думал о том, как чудно всё устроено в этом мире. За последние три дня в его жизни произошло больше изменений, чем за последние два года.

Холли, наконец, уговорила его попробовать ее вегетарианский обед, что было весьма серьезным шагом в понимании Джека.

Женщину, с которой он был не так хорошо знаком, убили, а какой-то детектив либо подбирался к нему ближе как к потенциальному убийце, либо набивался в друзья, что еще хуже.

По чьему-то щелчку пальцев его окружили перемены. Мелкие, незначительные, но воспринимал Джек их иначе. Когда тебе что-то не нравится, наличие этого под боком выбивает из колеи. Джек чувствовал, как отклоняется от заданного курса.

Он снял куртку, прижал к себе зеркало, вынутое из пакета еще в подъезде, и прошел в зеркальную комнату. Он уже не помнил, когда это случилось впервые.

Просто в одну из бессонных ночей он увидел в зеркале на кухне лицо погибшей жены. Сначала это вызвало страх и панику. Она преследовала его везде, в каждом зеркале, встречающемся на пути. Она наблюдала.

Джек начал пропадать по ночам в библиотеках, оставался ночевать в своем магазине. С тех пор началась его одержимость зеркалами. А в один прекрасный день он понял, что хочет видеть Мэгги. Мужчина отделал комнату зеркалами и посмотрел своему страху в глаза. Каждую ночь она приходила к нему, он засыпал под ласковый шепот, и становилось легче. А наутро он просыпался в своей комнате, в кровати, не помня, как туда добрался и когда. Зеркальная комната была заперта на замок, а ключ, как всегда, висел на шее.

На данный момент его волшебные перемещения были единственной тайной. О чем-то другом он уже давно не задумывался и не искал причин.

Приглашая Джона к себе домой, Джек не думал, чем это обернется. Он, как истинный интроверт не любил бары, да и вообще любые места, где много людей. И к тому же до последнего надеялся, что новый знакомый откажется от такого расклада. Но нет.

Детектив встретил его после работы на машине и снова довез до дома, на этот раз поднявшись в квартиру. Он прихватил с собой бутылку виски, Джек разогрел то, что осталось от вчерашнего ужина.

С самого начала разговор не шел, но стоило собеседнику затронуть «больную тему», как хозяина квартиры было уже не заткнуть.

Он старался выдать как можно больше фактов о зеркалах, механически, быстро, точно. Во-первых, чтобы детектив не спросил о чем-нибудь еще, во-вторых, чтобы по пьяни не проболтаться о Холли. Она была единственной на их улице, кого детектив не опрашивал, – лишь потому, что не знал о ее существовании. Джек не рассказал ему о нелегально работающей девушке и строго-настрого запретил той высовываться из магазина, по крайней мере, через главный вход.

Джон попросил его показать что-нибудь из книг с легендами. Джек послушно кивнул и явно нехотя отправился в свою комнату. И только тогда настал момент, которого детектив ждал весь вечер. Стоило хозяину скрыться в коридоре, Джон встал с места, мысленно отмечая, что виски все-таки уже успело ударить в голову, бегло осмотрел кухню и осторожно сделал шаг в прихожую.

Половицы под ним предательски заскрипели.

Джон быстро достал из кармана брюк отмычку. Эту запретную, закрытую дверь, он приметил сразу, как только ступил на порог квартиры. Во время разговора Джек избегал этой темы, всё время пытался ускользнуть. Вскрывая дверь зала, детектив не мог в очередной раз не усомниться в своих действиях. Всё-таки весьма противоречивые чувства вызывал в нем этот человек. Хотелось ему доверять... до тех пор, пока он не начинал говорить. Всё в его словах и жестах говорило о чрезмерном количестве лжи. Джек нервничал. Если в магазине он мог это с легкостью скрыть, то здесь – не получалось.

На вскрытие замка у Джона ушло около двух минут. Тот быстро поддался отмычке и тихо щелкнул. Дверь открылась сама, медленно, уходя в сторону. От удивления Джон открыл рот и, пораженный такой картиной, завороченно сделал шаг вперед. Со стен на него смотрели его отражения. Ботинок уперся носом в огарок свечи.

– Вас буквально тянет к зеркалам, Джон, – Джек горько усмехнулся, стоя за его спиной.

– Что это за чертовщина, Джек? – детектив произнес это почти шепотом, всё еще осматривая комнату.

Продавец потупил взгляд в пол, держа в руках ту самую книгу.

– Скажем так, тут я общаюсь с женой.

Джон повернулся и посмотрел на него как на умалишенного. Джек невинно улыбнулся.

– Вы реалист, Джон. Не заморачивайтесь, – мужчина сделал шаг вперед, преграждая путь к выходу.

– Это вы убили ее, – детектив нервно проглотил комок, застрявший в горле, стараясь взять себя в руки. Он чувствовал, как паника начинает охватывать его изнутри. Со всех сторон за ним наблюдали. Десятки пар испуганных глаз метались в поисках выхода.

Джек засмеялся.

– Если человек очень любит зеркала и у него дома собрана небольшая коллекция, – он отошел в сторону, – это вовсе не значит, что он убийца, – мужчина протянул книгу детективу. – Надеюсь, она поможет вам, Джон.

Мужчина недоверчиво забрал из его рук книгу, прошел мимо, снял с вешалки свой плащ и уже смелее, в упор посмотрел на Джека.

– Не бойтесь, что я вернусь сюда завтра, с криминалистами?

Мужчина пожал плечами.

– Мне скрывать нечего.

Джон замешкался еще на пару секунд, затем всё же вышел из квартиры. Джек блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь одиночеством. На кухне тихо шумел холодильник, за окном завывал ветер, бросаясь потоками на стекло, словно пытаясь его выбить. Дверь зеркальной комнаты, скрипя, сама собой закрылась. Замок тихо щелкнул.

«Зачем ты рассказал ему?»

Джек вздрогнул и открыл глаза. Он стоял посередине комнаты.

– Что? – он рассеянно осмотрелся по сторонам.

«Зачем. Ты. Рассказал. Ему», – тонкий, почти детский голосок был переполнен злобой и ненавистью.

– Мэгги, это ты? – мужчина быстро осмотрелся по сторонам, ища малейшие признаки «проявления» призрака.

«Зачем ты рассказал ему!?» – она крикнула, так сильно, что казалось, стены затряслись.

– Что? – Джек сделал шаг в сторону, уклоняясь от куска зеркала, упавшего с потолка. Он побежал к двери, пытаясь открыть ее.

«Зачем ты рассказал ему?» – она поменяла интонацию на любопытную, совсем детскую.

В каждом из зеркал появилась пара человеческих глаз. Они быстро моргали, пытаясь соответствовать интонации.

«Зачем ты рассказал ему!» – в бездонных глазах засияла злость, перемешанная с ненавистью и жадной мести. Комната начала рушиться.

Джек старался защититься от осколков, прикрывался руками, попытался натянуть кофту на голову, выставляя под удар спину. Но все попытки были тщетны.

«Зачем ты рассказал ему?»

Голос становился тише, затем снова переполнялся злостью и переходил на крик.

«Зачем ты рассказал ему...»

– Зачем ты рассказал ему?! – маленькая девочка сидела прямо на полу в белой комнате и энергично, со злостью наносила карандашом удары по своему же рисунку, не подозревая, что за ней наблюдают.

По ту сторону широкого окна стояло двое мужчин. Оба не сводили взгляда с ребенка.

– Вы считаете, она сможет что-нибудь рассказать? – неуверенно произнес тот, что в пальто, засунув руки в карманы.

– Она у нас уже неделю, терапия начала давать свои плоды, – второй мужчина был в белом халате, со стопкой бумаг в руках. – Сверьтесь с делом.

Детектив достал из портфеля черную папку и заглянул внутрь.

«Мужчина в состоянии аффекта убил свою жену. Рассек горло осколком зеркала, перерезав сонную артерию. Единственный свидетель преступления – семилетняя дочь.

После убийства мужчина спрятал тело жены в шкаф, там же запер дочь. При задержании уверял, что жена жива».

Врач протянул ему стопку листов.

– Она постоянно рисует человека в какой-то комнате, – пояснил врач, – некоторые из них вызывают подобную, особо бурную реакцию.

Детектив посмотрел на рисунок. Выполненный совсем по-детски, он напугал его. Темная фигура черным карандашом – вместо человека. Четко очерчены контуры стен, потолка и пола. Отовсюду смотрят сотни красных глаз.

– Когда я смогу поговорить с ней? – мужчина вернул рисунок врачу.

– Думаю, скоро, – он вздохнул, – кто знает, что теперь творится у нее в голове.
Мужчины переглянулись и вышли из комнаты наблюдения.

Девочка взяла чистый лист бумаги и, загадочно улыбнувшись, начала новый рисунок. Ни врач, ни детектив, ни кто-либо из персонала и правда не подозревал, что творилось в ее голове. А там, рисунок за рисунком, начинался новый день. Там жил Джек Эберсон, который просыпался около шести утра, выключал будильник, который еще не успел зазвенеть, включал кофеварку и направлялся в ванную комнату, где долго-долго рассматривал себя в зеркало. Он работал в книжном магазине, в котором жила девушка Холли, убившая старуху Элен в поисках дозы, а потом всегда приходил Джон Маркус, и Джек раскрывал ему все свои тайны, совсем как ее папа – полиции.

«Пап, мама на тебя не злилась. Зачем ты ему рассказал?»

Татьяна Прокудина

Потерянный

Отец умер внезапно, хотя его смерть была лишь вопросом времени: он уже давно и тяжело болел. Внезапно это было потому, что никто не ожидал, что это случится в больнице, куда его привезли на «скорой помощи» после очередного приступа. Мать приехала вся в слезах, сказала, что отца перевезли в морг и что его тело появится дома только перед панихидой. А потом занавесила все зеркала в доме и велела то же сделать с любыми поверхностями, которые что-либо отражают. На вопрос, зачем это, ответила: «Чтобы душа умершего не заблудилась в этом мире и нашла дорогу в мир иной».

«Что за бред, – подумала Яна, – на дворе двадцать первый век, а она про какие-то путешествия в мир иной говорит». Но спорить с убитой горем матерью не стала, а молча всё занавесила.

Попрощаться с отцом пришла целая толпа народа. Весь двор был полон людьми: родственниками, любопытными, соседями, сослуживцами, знакомыми и друзьями. Многие хотели поехать на кладбище, но всем не хватило места в машинах.

«Интересно, – подумала Яна, – если я умру, сколько людей придет со мною проститься? Вряд ли больше десяти человек. Чем же папа зацепил всех этих людей?».

Она долго думала над этим вопросом. Единственным объяснением было то, каким был её отец. А он занимался спортом (футболом и каратэ), играл в шахматы и на гитаре, пел, сочинял стихи и необыкновенные сказки на ночь про пса Барбоса и его друзей. Он никогда и никому не отказывал в помощи. Дом его был открыт для друзей в любое время суток. Он мог поддержать разговор на любую тему, причем всегда казалось, что в вопросе он был подкован досконально. Он был полностью открыт для мира и людей, возможно, поэтому столь многие ощутили его уход.

На самом деле Яна была даже рада, что папа наконец отмучился и больше не будет страдать от невыносимых болей, которые терзали его в последние полгода. Ей было жаль только мать, которая восприняла смерть мужа как потерю смысла жизни. После смерти отца она три месяца лежала, отвернувшись лицом к стене, и молчала.

«Ведь папе хорошо там, в другом мире, – думала Яна, – зачем так страдать? Неужели она не может порадоваться за него?».

Яна с матерью никогда не понимали друг друга. Однажды дошло до того, что из-за какого-то проступка родительница хотела выгнать дочь из дому, но вмешался отец, который в дочери души не чаял, и инцидент был исчерпан.

Они с отцом были очень близки. Ближе, чем отец, у Яны никого не было. Поэтому она тоже переживала, но о другом: кто теперь будет ее любить, когда отца не стало? Вряд ли мать изменит свое отношение к ней. Значит, надо смириться и принять ситуацию как есть.

Через некоторое время Яне стали сниться сны, в которых отец был жив. Он просто ушел к другой женщине, а у них появлялся очень редко. Он забыл про них. Сны повторялись с завидной регулярностью и были такими реалистичными, что Яна была уверена, будто это происходит на самом деле. Она часто пыталась вспомнить подробности снов, но не могла. Когда мать начинала плакать, вспоминая отца, Яна думала: «Так он же жив!». Но потом задумывалась: так ли это? Ведь она была на похоронах и сама бросила горсть земли на могилу. Пришлось признать, что во время сна она переносилась в какой-то параллельный мир.

Это чувство в ней крепло раз за разом, потому что тот отец, которого она знала, никогда бы не изменил матери и не ушел к другой. Это был кристально честный человек, неспо-

собный на предательство, всегда готовый помочь кому угодно, даже совершенно незнакомым людям. Кроме того во сне он был абсолютно здоров. Складывалось впечатление, что отец из снов – совершенно другой человек.

Ощущение того, что происходит что-то странное, крепло, и наконец Яна поняла, что с этим надо что-то делать.

Она углубилась в эзотерическую литературу, стала читать тематические сайты в интернете, чтобы понять, к чему снятся умершие родственники.

Одно толкование гласило, что встреча во сне с умершим родственником предупреждает об опасности, которая может случиться со сновидцем. Яна не умела читать эти знаки, поэтому не очень понимала, к чему предупреждения. На всякий случай она спросила свою подругу об этом сне. Та ей сказала, что умерший во сне – знак того, что надо сходить к нему на могилу. Яна так и сделала, но сны от этого не прекратились. Даже наоборот: стали сниться подробности жизни отца с этой женщиной. Она даже могла разглядеть ее лицо. Но это знание ничего Яне не дало: наяву она такой женщины не встречала.

«Может быть, папа снится мне потому, что я обидела его перед смертью? – решила однажды Яна. – И если я извинюсь перед ним и как-то заглажу вину, то сон исчезнет?».

Но как это сделать? Она решила собрать стихи и сказки отца и издать книгу. Это было сложное дело, так как в рукописях было по несколько вариантов одного и того же стихотворения, а некоторые стихи она помнила наизусть, но их отец не записывал. Так, с горем пополам, сборник вышел и разошелся среди друзей и знакомых отца.

Сны не прекращались. Версия с другим миром опять всплыла в воображении Яны. Как избавиться от власти другого мира? На этот вопрос не было ответа.

Однажды в интернете она наткнулась на стихотворение:

*– Когда стало зеркалом небо
За 10 каких-то минут,
Ушли мы путем отражений,
Теперь обитаем мы тут.*

*Поэтому то, что нормальным
Казалось нам в жизни другой,
В кривых зеркалах отразилось,
По сути оставшись собой.*

«Вот оно! – воскликнула про себя Яна. – Вот ответ! Ведь, действительно, мама что-то говорила про зеркала. Зря я пропустила это мимо ушей! Возможно дело в этом? Ведь папа умер не дома, а в больнице, там наверняка зеркала не завешивают, вот душа и отразилась в зеркале – и там осталась! Но как теперь его оттуда вытащить?»

Опять пришлось искать ответы в эзотерике. После долгих поисков Яна пришла к выводу, что зеркало, в котором заточена душа отца, – на старом трюмо в коридоре. На это указывали мутные пятна на трех зеркалах этого трюмо. Единственным, что беспокоило Яну, был вопрос: как объяснить матери уничтожение этих зеркал? Не говорить же ей, в самом деле, что отец потерялся в зазеркалье?

На выручку ей пришло знание о том, что мать всё-таки любила красивые вещи. А это зеркало с пятнами, безусловно, не вписывалось в это понятие. Поэтому Яна под предлогом избавиться от старого зеркала предложила матери купить новое, и та согласилась.

Яна разбила зеркала трюмо и выбросила их. Сны прекратились. Говорило ли это о том, что отец ушел в мир иной, или о том, что ей ничего не угрожает, осталось неизвестным.

Известно было только одно: двойник отца ее больше не беспокоил.

Двойники

Она давно заметила, что зеркала в доме по-разному ее отражают.

Больше всего ей нравилось зеркало в ванной комнате, она называла его «добрым». В нем она всегда прекрасно выглядела.

Зеркало в прихожей она не любила. Его она называла «злым». Из этого зеркала на нее всегда смотрело уставшее и вечно всем недовольное лицо.

Еще зеркала были в шкафах. Там отражения были нейтральными: не плохими, не хорошими.

Маленькие зеркальца отражали по-разному: то ей казалось, что она – красотка, то – нет.

Особенно различия бросались в глаза, когда она рассматривала свои фотографии, а потом случайно смотрелась в зеркало: на фото и в зеркале были внешне похожие, но разные люди. На фото она узнавала себя, а в зеркалах – нет.

Она иногда подолгу рассматривала себя в зеркалах, пытаясь понять: что не так? Разумный ответ не приходил ей в голову.

Поэтому в скором времени она стала называть зеркала – «мои двойники».

Двойники особо не досаждали ей своим присутствием. Просто видеть каждый раз в зеркале другого человека напрягало.

На работе была та же картина: двойники в зеркалах. Особенно мрачным было ростовое. В него она старалась лишний раз не смотреться. Ей казалось, что в нем ее фигура особенно непропорциональна.

Со временем она пришла к выводу, что в зеркала лучше не смотреться, чтобы не расстраиваться: кто знает, кого она там увидит в очередной раз? Старуху? Калеку? Что-нибудь похуже?

Часто она с ними разговаривала. Спрашивала, как дела, что они делают, чем занимаются. Зеркала, естественно, молчали. Но она слышала ответ из зазеркального мира. Там шла совсем другая жизнь.

Иногда возникали мысли поменяться жизнью с двойником из ванной комнаты. Ей представлялось, что человек, так дружелюбно и мило выглядевший, обязательно ведет какую-то веселую жизнь, о которой ей приходится только мечтать.

Правда, она не знала, как поменяться. Все книги, которые она читала по этой теме, сводились к гаданиям и колдовству, а этому она внутренне противилась. Поэтому мечта попутешествовать по отражениям так и осталась неосуществленной.

Годы шли, и ей все меньше и меньше хотелось смотреться в зеркала.

Действительно, что интересного она может там увидеть?

В конце концов она решила, что стекла серванта все прекрасно отражает, и если возникнет необходимость, то на себя можно посмотреть и там.

Но на себя ли она глядела?

Вот в чем был вопрос. Могла ли она вообще увидеть себя где-нибудь, кроме фотографий?

Увлечение фотографией ничего ей не дало, так как все равно волей-неволей она бросала взгляд в зеркало, чтобы удостовериться в сходстве изображений.

И все чаще ей казалось, что она окружена двойниками, которые отражаются ото всех поверхностей. Это стало навязчивой идеей. Чтобы от нее избавиться, она распрощалась с зеркалами, телевизором, сервантом, от всего того, что отражало ее.

Наконец-то она вздохнула с облегчением: в доме теперь жила только она одна.

Таша Новалуцкая, Геннадий Давыдов

Блики осколков

Язык тонет в крови, и по глотке скользит ржавое лезвие, скользит бережно, как тающее мороженое, а после так же мягко рассекает пищевод. Совсем не больно, даже восхитительно от того, что острая железка в желудке, подобно мотыльку, порхает в дешевом вине и бьется о пережеванные куски мармелада. Она разорвет мой мир в жалкие лохмотья, которые я сцезу в ладони отца. Сгустки его маленькой девочки. Он может натереться ими, как вынуждал когда-то меня шлифовать кожу полотенцем в ванной. Его дочь обязана быть идеально чистой, во всех, абсолютно во всех безмозглых смыслах.

Долг, мораль, стыд, скромность... Угодливость, оглядывание, притворство, посредственность... Лишь отражения друг друга или две стороны зеркал, на одной из которых не увидать ничего подлинного, возможно только придумать, теряя значение всего, что с тобой происходит, если не придать нового, втиснув в ажурное тиснение из почерневшего серебра.

Снежинка вздрагивает и рассеянно осматривается, осознает себя в собственной постели. Кажется, будто смеркается, но это неважно. В последнее время она редко выбирается из квартиры – зачем, если можно смотреть на дождь из окна. По стеклу сбегает мокрые дорожки. Уныние – вот величайший из грехов, так говорит отец. И Снежинка согласна. Нужно стараться быть веселой. Например, можно попробовать считать капли, так же, как считают барашков.

Приглушенный рингтон из кармана плаща. Вдруг это звонит отец? Ему нельзя волноваться. Не без труда она поднимается и шлепает в коридор.

На том конце провода сухой баритон:

– Долго не брала трубку. Чем ты занимаешься?

Снежинка нервно крутит на пальце секущуюся прядь, затравленно оправдывается.

Отец прав: во всём должен быть порядок, иначе у нее не получится стать ответственным человеком.

Однажды, когда ей было двенадцать, он поставил ее коленями на рассыпанный по полу горох, как раньше, когда люди были мудрее. Это и правда подействовало. Снежинка считала горошины, которые вгрызались в коленные чашечки, и мысленно повторяла одну и ту же молитву, чтобы это поскорее закончилось. А после никогда никуда не выходила, не получив одобрения. Единственным местом, где она могла задержаться, не опасаясь порки, стала городская библиотека.

После разговора с отцом она всё чаще чувствует себя опустошенной. Но сегодня он щедр.

Единственный нормальный подарок, думает она. Единственный подарок, который хоть как-то затрагивает мои интересы. Снежинка собирается выйти наружу. Придется идти под колючей моросью. Хоть бы небо по-настоящему разревелось. Взгляд вскользь пробегаем по отражению, она поправляет капюшон. Ее глаза гневно сверкают. В голове проносятся мысли об ущербных культурно-философских взглядах отца: что такое жизнь, как ее надо прожить... И даже то, что ее можно прожить правильно. Меня учит тот, кто в детстве отбирал деньги у слабых, а повзрослев, продолжает, прикрываясь табличкой «благотворительный фонд». Муравей учит осу, как правильно летать. Вместо мозгов на череп давит стопка купюр, извилины – цифры номиналов. Ушлёпок.

Снежинка зажимает рот. Кажется, она произносит последнее слово вслух, и в следующий момент периферическое зрение ловит в зеркале след удивленных глаз. Ушлёпок, ушлёпок, ненавижу! Эти слова – лишь дым тех мыслей, которые запекают в гневе образ отца.

Ее пальцы сжимают абонемент в библиотеку, единственный нормальный подарок. Развлекись, девочка, почитай книжечку. Пальцы сжимают листок еще сильнее, и повязка на запястье увлажняется от крови. Сука, звучит в голове. Снежинка вынимает руку из кармана, чувствуя тянущую боль. Порез снова открылся. Красное пятно затапливает белизну бинта.

Гром раскатывается по небу с таким звуком, который обычно сопровождает огромные валуны, что катятся с гор. Порывом ветра доносит аромат озона. Она глубоко вдыхает его, стараясь ощутить на языке вкус наступающей грозы, подносит к лицу перебинтованное запястье: красный запах крови. И серый – грозы. Такой коллаж не возбуждает, не успокаивает, не раздражает, но задевает ту крохотную часть сознания, которая у творческих людей отвечает за вдохновение, а у обычных становится источником странного настроения, отстраненного от реальности.

Снежинка останавливается перед массивной дверью и прокручивает внутри себя ленту с фрагментами реальности, которые касались ее взгляда: серый асфальт, черные ботинки. Разрастающиеся лужи? Холод, сырость. Дождь? Снежинка возвращается в сознание, и, действительно, идет сильный дождь, а пальцы на руках едва сгибаются от холода. Она поднимается по ступеням, а перед глазами, кажется, порхают красные мотыльки, пахнущие кровью. Запах озона остается снаружи. Внутри душно и неуютно.

Долгая прогулка среди лабиринта стеллажей откладывается заметной тяжестью книг в руках. Она садится за один из столов, напротив высокого зеркала в старинной позолоченной раме; Тишина вокруг подобна воде. Малейший шорох волнует всю гладь огромными кругами.

Снежинка никого здесь не знает, она никогда не встречала одних и тех же посетителей, чего не скажешь об остальных. Они все бывают тут чаще, в основном по необходимости. Лишь те, кому спешить уже некуда, коротают среди записанных истин пресные дни по собственной воле. Снежинка размышляет, каково это – обладать свободой приходить и уходить, когда хочется, а не когда позволяют.

Ее взгляд только начинает задевать абрисы букв, но их смысл сразу же врежется в мысли об отце, о том, как она сбежала, а он до сих пор не отпускает. Бесконечно звонит и приходит, требует, чтобы она гостила в их старой квартире, как можно чаще. Нет, убежать ей так и не удалось, и не стоит даже пытаться себя обманывать.

В сознании, словно готовые сорваться шавки, притаились всевозможные табу на простые желания. Хлипкий подросток у стены из гипсовой лепнины что-то черкает в потрепанной тетради на грубых листах. Наверняка рисует образы мира, взрывающие его разум. Он умеет перенести свой мир на бумагу, игнорируя рамки и даже клише. Этого никогда не удавалось ей самой. Безликая масса, вот кто она такая.

Слово за словом, предложения и абзацы, всё разбивается на осколки. Снежинка зажмуривает глаза, стараясь раздавить веками навязчивую завесу, но бесполезно. Она отворачивается и смотрит в потускневшую гладкую поверхность, лишь несколько секунд спустя замечая, что ее собственного отражения в зеркале нет.

Пальцы медленно переворачивают страницу, но с отражением ничего не происходит. Она быстро моргает, прогоняя иллюзию. Может, что-то попало в глаз? Может, зеркало искажает реальность? Снежинка сдавливает веки, а после поворачивается снова: пусто, хотя остальные сидят на своих местах. Взгляд скользит по поверхности, от рамы до рамы, пока не цепляет след, оставшийся от рыжих волос. Таких же, как у нее. Как у ее отражения в другом конце зала. Снежинка осматривается: похоже, никто не замечает происходящего. Она снова перево-

дит взгляд на собственное отражение. А оно в ответ всматривается в оригинал по ту сторону стекла, кривится в издевательской ухмылке пополам с презрением.

Отражение фривольно стягивает свитер, вместе с ним сдирает футболку и лифчик. Сплювывает, размазывает слюну по поверхности своего плоского мира, а после выставляет средний палец. Снежинка рефлекторно прикрывает собственную грудь, смотрит с завораживающим ужасом, как ее двойник подсаживается на стол к напротив сидящему старику и вульгарно подтягивает вверх подол юбки, запуская свободную руку между бедер.

Вокруг все сидят так, словно ничего не происходит. Так же, как их отражённые копии.

Отражение сползает к старику, который всё еще изучает увесистый фолиант, не замечая, что творится под самым носом. Стягивает трусики и натягивает на старческую лысину, а после опускается на колени. Сдержанные движения рук около ширинки – оно (она?) извлекает и обхватывает губами скукоженный придаток, с силой всасывая, это видно по втянутым щекам.

Старик равнодушно созерцает хрупкие страницы, в то время как любого другого свалил бы инфаркт, отсасывай у того полуголая студентка.

Стыд горит на лице Снежинки. Она чувствует, как кровь закипает внутри, растягивая сосуды. Пальцы белеют от того, что долго были сжаты в кулак, а ногти глубоко впиваются в кожу. Снова взгляд в зеркало: с той стороны отражение облизывает губы и шлет воздушный поцелуй реальности. Снежинка ощущает на шее прикосновение сквозняка. Двойник улыбается и выбивает книгу у девушки рядом, втыкает нос сапога в голень субтильного подростка, который со стоном валится со стула и спешит из читального зала.

Через несколько мгновений уходит старик, старательно прикрывая пятно на брюках.

Каждая мышца готова лопнуть от стыда. Снежинка швыряет книгу в зеркало, по которому с треском расплзается огромная трещина. Мгновение тишины и бьющийся о мраморные плиты грохот. Все вокруг затыкают уши. Взгляды прожигают Снежинку. Она чувствует их жар и, срываясь с места, убегает от обугливающей ненависти, что цепляется за пятки. Наружу. К успокаивающему запаху озона. К холодным вспышкам грозы.

Мокрые волосы липнут к лицу. Снежинка почти бежит без цели и направления, уязвленная гордость гонит ее, стегая плеткой по нервам. Она не может повернуть головы, не может остановиться. Не может думать. Сознание размывается вместе с кровью под бинтом. Снежинка останавливается у витрины придорожного кафе, стирает пальцами с губ тягучую слюну. Еще немного, и легкие взорвутся взвесью песка и пыли. Она вытягивает язык под осиные жала дождя, медленно переводит взгляд на свое отражение, которое в точности повторяет поворот головы и гримасу заостренного лица. Облегченно выдыхает. Одергивает юбку и спешит прочь, как будто двойник еще рядом, как будто он хищно скалитесь в спину.

Автобус, шатаясь, плетется по невзрачным улицам. Снежинка терпит раздражающее сопение рядом, затылок обжигает чужим дыханием. Кажется, взгляды неотвязно елозят по пунктовым щекам, обветрившимся, пока она убегала от собственного навязчивого безумия. Может быть, эти уставшие люди видят то, чего не замечает она, всматриваясь в размытые контуры пассажиров, бликующие в окнах «пазика».

Твердое упирается ей в ляжку, Снежинка разворачивается, прокручиваясь, как фитиль в расплавленном воске. Перед ней широкая рожа без каких-либо эмоций, на нос скользят очки с толстенными линзами. Возможно, похотливое дыхание в ее макушку всё это время было лишь отголоском тяжелого дня. Отец учил, что старшие заслуживают безоговорочного уважения, ведь маленьким девочкам всегда есть чему поучиться. Однажды он преподавал ей хороший урок.

В тот день к отцу пришли гости, приятели с работы, из того унылого здания, где ей никогда не приходилось бывать. По рассказам отца, как Снежинка могла их представить в силу возраста, по коридорам там шмыгали угодливые ледышки, а в кабинетах тлели, заваленные

бумагой, тела. Все эти люди пугали ее воображение, и, когда они расположились в гостиной, Снежинка притаилась в шкафу.

Отец всегда ставил ее на стульчик, чтоб она пела. В тот день от страха она не смогла бы выдавить из себя ни слова. Так и случилось. Когда он отыскал ее по розовой ленточке, предательски торчащей из створок, то вытащил и выставил на обозрение. И голос подвел. Она захныкала, как какая-то трехлетка, хотя ей в том году уже исполнилось восемь.

Снежинка отчетливо помнит, как думала, что слышит скрип разбегающихся трещин на рюмке, которую сжимала рука отца. Его водянистые глаза налились красным. Ей было ясно, что она его опозорила. И когда он, решив наказать ее, цедя слова, приказал спускаться и снимать трусы, она послушалась и сползла на стульчик. Остальное сделать забыла, он помог ей, подсказал обхватить деревянные ножки руками.

В ушах гудело придавленной тишиной, которую резал свист ремня в воздухе. Жгло, очень жгло, и она разнылась, забыла держаться, и ее руки упали на пол, как у куклы, набитой тряпьем. Снежинка плохо помнит детали, но, когда обмякла, поймала взглядом сползшие по чьей-то роже запотевшие очки. Тот человек был намного старше ее. отец научил уважать их всех.

Дни растекаются в недели, отражение монотонно, как и размеренная жизнь оригинала. Снежинка избегает мест, где много зеркал. Особенно в присутствии отца. Ее мысли путаются в собственных предположениях о том, где же на самом деле подлинник, а где нет? Быть может, весь мир, который она считает реальным, и есть отражение? Или же их два, реальных мира? Или всё галлюцинация?

Снежинка всматривается в витрину со своим отражением, а оно в ответ всматривается в нее, и обе медленно пьют какао; обе делают заметку в блокноте. Одну и ту же: «Может, мы две лжи, искаженные стеклом, а истина где-то вне нашего понимания, где-то между нами». И обе пожимают плечами.

Отец настаивает на совместном ужине, приходится снова тащиться в старую квартиру в ободранном квартале. Снежинка живёт на похожей улице, но в другом конце города.

Вонь мочи, гул дребезжащих створок лифта, скупая улыбка во мраке дверного проема. В квартире всё так же, как и всегда: сырой свет, запах плесени, притравленный цветочным освежителем. На круглом столе дрожит ореол пыльной декоративной свечки – кажется, когда-то сама Снежинка ее и подарила. Расставлена пара чайных приборов. Слух рассеянно ловит обрывки торопливого рассказа: лживые мрази, гундосые стервы, пропавшие бланки, цифры, которые не сходятся; отец снова вываливает последние события его однотипных лет.

Снежинка размешивает сахар, кладёт ложку на кипенно белую скатерть, по которой ползается чайная клякса. Голос отца на мгновение прекращает дребезжать, а потом начинает снова. Снежинка тянется пальцами к мерцающему огоньку, любит прозрачными подсветами собственной ладони, слегка накрывает пламя. Наверное, так и летят на ослепляющий свет слабые насекомые, и их вылизывают карминные языки, и сплевывают в безликое пространство. И нет ни в тех, ни других никакого смысла, его нет даже в действиях и результате.

Шипение влажной частицы белой плоти, крылья дыма и молекулы гари расползаются над столом. Ты что делаешь, дура, слышится рядом. Ничего такого, что может испортить твое реноме, шепчет она, прости. Он, кажется вне себя. Хватает дочь за шиворот блузки, так сильно, что воротничок впивается в горло. Тыкает в лицо мамино зеркальце на резной мельхиоровой ручке. Снежинка зажмуривается, лишь чувствует, как по носу бьёт холодным. На кого ты похожа, орет его рот, когда ты в последний раз смотрелась в зеркало?

«А ты?» – произносит ее голос, но, кажется, краткий вопрос слышит только она сама: отец не отвечает, больно дергает за волосы и настаивает, чтобы дочь отправлялась в ванную.

Вода слишком горячая, он всегда купал ее именно в такой. Ступни обжигает, но Снежинка послушно погружается до подбородка. Слезные железы сочатся соленым к уголкам губ. Ты должна оставаться чистой, вспоминает она, как воспитывали, чистой во всем, и никаких грёбаных татуировок, никаких кобелей и сучьих случек.

Отцовские руки стягивают резинку с засаленного хвостика, рыжие пряди расплываются в пятнах пены. Его намыленная ладонь усердно трет грязное тело дочери, особенно там, где ей всегда было неловко. Снежинка пересчитывает сколотые квадраты бесцветного кафеля: четырнадцать вверх и восемнадцать вдоль потолка, их количество не изменилось за одиннадцать лет с того времени, как она научилась считать до двадцати.

– Накинь халат и выходи, – беспокоится он, – не засиживайся слишком долго, это вредно для здоровья.

Она делает то, что велено, избегая смотреть даже на сливающуюся с чавканьем воду. Обтирается застиранным полотенцем, тянется к дезодоранту. Над полкой висит зеркало, в котором видно змеевик за спиной, но самой Снежинки нет. Страх ледяным смерчем скручивает разморенные жилы. Она на всякий случай оглядывается, никого рядом нет. Куда он делся, этот двойник? Неужели...

Зрение улавливает движение, и Снежинка льнет к отражению. Похоже, ирреальность живёт независимо от того, нравится это кому-то или нет. Отодвигается шторка, двойник усаживается на край ванны и дерзко запрокидывает голову, смывая под лейкой душа что-то невидимое с лобковых волос. А этого старого козла – отрави, слышит Снежинка знакомый голос. Или свари ему его собственные яйца «в мешочек», пусть скажет, какие они на вкус. Снежинка оседает к сливной трубе и обхватывает голову руками.

Лучше убей, продолжает двойник, эта лицемерная мразь имеет приличный счет и много чего другого, тебе достанется всё. Отражение приставляет два пальца к виску и делает вид, будто выстреливает, затем сочно облизывает оба пальца, пачкая фаланги помадой, что выглядит так же, как в одном из фильмов для взрослых мужчин, которые держит в секрете отец. Прикусывает подушечку одного, тянется к границе, разделяющей две реальности и растягивает алое в буквы: «Тварь должна сдохнуть».

Снежинка задирает воротник пальто, пряча лицо от промозглого ветра. Вдавливает ногти в ладонь, чтобы разбавить болью мысли, которые нервно вибрируют, подобно струнам, и вот-вот с визгом порвутся. Она чувствует себя механизмом, который дает сбой. Скрипит зубами. Еще немного, и истерика выплеснется снопом искр. Подобное состояние – не впервые, но сегодня слишком обострено. Ее шаги ускоряются, поворот, еще, вниз по ступеням – в метро, где можно скрыться от ледяных порывов, продирающихся к ребрам, играющих нестерпимый бит так, что можно сойти с ума.

Она спускается по лестнице, глубже, затем по эскалатору, на самое дно монолитных лабиринтов, где влажно и душно, где люди похожи на насекомых. Снежинка падает на скамью, делает вид, что ждет поезда, по привычке открывает книгу, но не читает и не думает. Лишь смотрит в зеркало на колонне, где снова иная жизнь, где отражения, как куклы, подчиняются чужой воле. Она смотрит на свое полураздетое отражение, смотрит, как та, другая, прижимается к странному мужскому силуэту в безликой маске, как обхватывает его ногой, притягивается, вжимаясь бедрами; ее язык скользит по фарфоровой фации, по каждой вылепленной морщине. Снежинка знает, как равнодушна искусственная поверхность к вкусовым рецепторам, но в этот момент внутреннее напряжение скручивается, желание и страсть окрашивают все органы чувств одной красной сладкой иллюзией, где холодный фарфор отзывается на прикосновение языка тянущей, тупой, болезненной истомой внизу живота.

Снежинка смотрит, как второй безликий силуэт, пристраиваясь сзади, крепко вжимается бедрами в ее ягодицы. Вздых и острый стон, из которого рождается тонкая трещина на зеркале. Откинута голова, чужая ладонь в волосах. Она не может разглядеть лицо второго силуэта. У него нет маски. И нет внешности. Глаза, губы и язык, Снежинка может рассмотреть всё по отдельности, но сфокусировать зрение целиком не получается: все черты утопают в плотском тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.